

Не спешите предлагать решения

Аделина Рутцен

Несмотря на то, что мастерам Аделина, конечно же, доверяет и под сомнение их слова не ставит, настойчиво повторяемую новость об угрозе со стороны Асаки она долгое время не воспринимает всерьез. Ей все кажется – это что-то не о ней, не про нее, что-то, смысл чего ей представляется довольно туманно и что наверняка должно пройти мимо, как проходит всегда. Но когда до нее докатывается весть о том, что в деревне – вот здесь, под боком, совсем рядом! – происходят поджоги, не пожары даже, а именно поджоги, Аделина начинает понимать, что нет, похоже, мимо все-таки не пройдет. И вызывается добровольцем, чтобы помочь разбирать завалы сгоревшего дома. В скорый патрульный отряд пожарных ее, рохлю нерасторопную, пихать никак нельзя.

Несмотря на то, что она назначена в команду из трех человек, Рутцен спускается в деревню одна, первой, находит сгоревший дом и долго, растерянно стоит перед ним. Она совершенно не может сообразить, с чего ей начать разгребать это пожарище, ошетинившееся черными обломками, и надеется, что ее напарники окажутся несколько более сообразительными. Зря их не дождала, очень зря. Но теперь что же – не назад же бежать, поэтому Аделина остается выжидать перед домом. И торчит тут немного нелепо, и ругается на саму себя за идиотскую спешку, которая к одним только проблемам и привела.

И хорошо бы еще, чтобы напарники на нее за такой фортель не обиделись.

Стефано Грассини

Подстраиваться под меняющиеся на ходу обстоятельства Стефано традиционно умел довольно легко. Мол, план горит и рассыпается, ну да и фиг бы с ним, вот следующий, давайте теперь работать по нему. Примерно так и в этот раз: поняв, что Аделина на месте встречи не появляется, юноша предложил её не ждать и отправляться в деревню вдвоём: если немка захочет к ним присоединиться, так догонит, а не захочет, ну так и все равно где уж её теперь возмёшь.

И, как в итоге выяснилось, в этом своём решении юноша оказался, в общем-то, прав.

Изначально у мастеров были на это задание несколько иные планы, но Стефано в после коротких переговоров в качестве третьего напарника выторговал себе Карину. Ему покоя не давало то, как девушка неприкаянной тенью слоняется по монастырю со своей доской в обнимку, ухитрившаяся прибыть прямо в разгар тревог, и понять не может, куда попала, и прибиться ни к кому толком тоже не может. Не то чтобы Стефано добровольно взваливал на себя роль эдакого мыса Доброй Надежды - но, пожалуй, неосознанно он что-то именно такое и пытался сотворить. Итальянец рассудил, что даже помогать убирать последствия пожара Карине будет легче, чем опять бродить в немом одиночестве. В деревню молодые люди спустились вдвоём, а там и Аделина обнаружилась. Ну как чувствовал.

- Сбежала от нас, как будто мы тебя сожрать хотели, - задорно сказал Стефано. На Аделину он, во-первых, за такой фортель совсем не обиделся, во-вторых, был с девушкой знаком довольно шапочно и условно, лишь изредка пересекались на занятиях, но это не помешало ему легко представить: - Карина, познакомься, это Аделина. Аделина, будь знакома, это Карина.

Карина Ди Вероли

Из того, что Карина успела в монастыре увидеть и услышать, она однозначно поняла, что ухитрилась появиться как раз примерно в тот момент, когда светлая и безоблачная жизнь в Линь Ян Шо стремительно покатила под откос и начала наполняться бедами. В этот момент еще можно было сделать равнодушное лицо, решить, что это все ее не касается, и спешно отчалить, но итальянке такое оказалось не по силам. Дело было не только в Стефано, который невероятным образом умудрился с ним подружиться, хотя сперва Карина реагировала на него довольно неласково. В Линь Ян Шо все мельком встреченные люди отнеслись к девушке так, словно она пришла и заняла давно ее ожидающее место, словно она на самом деле всегда должна была быть в монастыре, но почему-то долго не могла до него добраться. На нее дружелюбно смотрели, с ней то и дело вполне искренне пытались заговаривать, к ней относились так, будто она стопроцентно добрая, надежная и верная. Карине от такого отношения, ничем еще не заслуженного, тошно было - и в то же время она не могла просто повернуться к воротам лопатками и сделать вид, что этих дружелюбных людей никогда не существовало.

А кроме того, очень хотелось это отношение все же оправдать и заслужить. И потому, когда Стефано предложил ей принять участие в общих работах, Карина ни на секунду не задумалась перед тем, как сказать "да" - хотя ей и предложили не героически врагов выкашивать, а всего-то навсего сгоревший дом разбирать.

Какое-то время молодые люди ждали у ворот, потом Стефано перевернул все с ног на голову и предложил идти в деревню, и на ходу уже объяснял, что их вообще-то должно быть трое, но третья девушка где-то затерялась, поэтому придется импровизировать без нее. Третья же девушка в финале взяла и обнаружилась уже в деревне, у сгоревшего дома. У Карины от таких переворотов голова слегка пошла кругом, но она честно постаралась сделать вид, что не удивлена. Вон, у Стефано вообще лицо было такое, словно вся кругом происходящая чехарда - это самая что ни на есть норма жизни.

Голубоглазой девушке, которую Стефано назвал Аделиной, Карина коротко и приветливо кивнула. Взяла в руки доску и, не тратя время на то, чтобы изобразить на ней повторное приветствие, крупно написала вопросительным сиреневым цветом: *КАК ПЛАНИРУЕМ ЛОМАТЬ?*

Ибо если ломать остатки нижнего этажа, то может сверху что-нибудь по черепу прилететь, а как до верхней части обгоревших стен добираться, было не вполне ясно.

Аделина Рутцен

Заслышав за спиной голоса, Аделина рывком разворачивается и немедленно стыдливо вспыхивает, готовая к тому, что ей на макушку вывалят с несколько тонн упреков. Но – нет, ничего подобного не вываливают, разве что так, Стефано слегка ее шпыняет за спешку и попытку сбежать, самую малость. Рутцен из любопытства тянется Аджной к юноше и ощущает от него мягкую, фисташковую, так часто присущую ему расслабленность; тянется к его подруге и ловит синие оттенки ее недоумения и озадаченности. И никакого коричневого или даже алого желания разорвать одну бестолковую немку на куски. Ни намек.

– *Здравствуй-Карина. Я-Аделина. Будем-знакомы,* – послушно кивает Рутцен, поворачиваясь к подруге Стефано. Сдерживает изумленное восклицание, когда Карина, вместо того, чтобы говорить, вынимает черную грифельную доску и

начинает на ней крупно писать, спешно делает вид, что ничего такого непривычного и из ряда вон выходящего не происходит, и предлагает: – *Могу-сломать-верхние-доски. Попробовать. Телекинезом-дотянусь. Наверное.*

Аделина дробно частит, сразу же, с порога сомневаясь в собственном плане. И вопросительно вскидывает глаза то на Карину, то на Стефано, ожидая их вердикта: *подходит?*

Стефано Грассини

Стефано зорко следил за девушками на случай, если они вдруг надумают друг с другом не поладить и придется срочно между ними вклиниваться и как-то их мирить, но в итоге вышло, что он эту зоркость расточал впустую. Что и к счастью - сейчас было совершенно не то время и не то место, чтобы собачиться между собой, и девушки, наверное, это тоже ощущали.

А вообще хотелось бы верить, что им мысль начать ругаться и в головы не приходила.

- Как-как сломаешь? - со смесью восхищения и недоверия переспросил Стефано. Он, конечно, видел как-то на мастер-классе, как Аделина ловко управлялась с телекинезом, и тогда в их группе она, кажется, была чуть ли не самой расторопной и умелой. Но все равно, одно дело - рисовые зерна в горшок кидать, и совсем другое - стены ломать, пусть эти стены сейчас и были сложены из хрупких, обгоревших досок.

- Я, конечно, в телекинезе не мастак, но тоже могу помочь верхнюю часть стен ломать. Или могу подстраховать, чтобы никому в голову ничего не прилетело, - предложил Стефано. Магия Воздуха позволяла ему сделать и то, и другое, если в достаточной степени напрячься. На Карину же юноша взглянул с виноватой улыбкой: - Извини, а тебе я не знаю, что на этом этапе предложить. Ты колдовать умеешь?

Карина Ди Вероли

Задавая свой вопрос, Карина не предполагала услышать в ответ какие-то дикие совершенно планы. Сперва Аделина предложила сломать верхние доски, и Карина заинтересованно на нее уставилась, сравнивая рост девушки с высотой оставшейся стоять части дома и прикидывая, насколько это выполнимая задача. Потом прозвучало слово "телекинез", и итальянка вообще уставилась на своих напарников ошалелыми глазами. Они обсуждали это, как что-то вполне реальное, очень прикладное, всерьез собирались на телекинез полагаться. Карина сглотнула, мотнула головой и поняла, что ничего не понимает. И что нечего мешать людям сходить с ума.

Правда, ее немедленно попытались в это втянуть, и Стефано обратился к ней с вопросом о колдовстве. Карина немедленно замотала головой ожесточеннее прежнего и поспешила написать на доске: *Я ПОДБИРАТЬ БУДУ. Я НИЧЕГО, МНЕ НОРМАЛЬНО.*

Телекинез. Они собрались крушить сгоревший дом телекинезом. Люди Икс недоделанные, ха. Но Карина приготовилась с интересом наблюдать - как они, блин, планируют это повернуть и какие у них лица будут, когда ничего не выйдет и телекинез из воздуха не сойдет.

Аделина Рутцен

Аджна по-прежнему у Аделине развёрнута широко, растянута во все стороны, улавливает мельчайшие колебания настроения её напарников. И поэтому, когда от Карины начинает хлестать удивлением, Рутцен это мгновенно замечает. Сперва немка смотрит было с недоумением, а потом, сообразив, что к чему, звонко хихикает. И сквозь смех делится со Стефано: – *Она-нам-не-верит.*

Аделина так и чувствует это разлитое в воздухе, наглое неверие, и хочется немедленно переубедить, обратить в свою веру, заставить каяться и просить прощения за черствость. Рутцен оборачивается к дому, скатывает Аджну в тугой кулак и на миг замирает в этом замахе. Она этого никогда раньше не делала, не делала, не делала! – но сейчас просто не имеет права ошибиться, не когда на неё смотрят наглые и ни единому жесту не верящие глаза Карины.

Аделина замахивается и бьёт Аджной вперёд, словно кулаком.

Этот тычок у неё не выходит, он соскальзывает, только высекая облачко чёрной пыли. Но Аделина мгновенно соображает, где она ошиблась, хватается Аджной за верхний край доски, и начинает толкать, и давить, и гнуть – и хрупкая, высушенная огнём дочерна доска переламывается под напором девушки. Аделина удовлетворенно кивает и, не желая пропустить реакцию Карины, обращается к Стефано: – *Твоя-очередь. Что-можешь-ты?*

Стефано Грассини

- Не верит? - мягко улыбнулся Стефано следом за Аделиной. И коротко, смешливо фыркнул: - Ладно. Придётся нам эти сомнения развеять и разметать в прах. Ты начинай, а я сразу за тобой.

То, как Аделина работала телекинезом, аккуратно и чётко, сперва раскачивая обгоревшую доску, а потом и вовсе её обламывая, показалось юноше высшим пилотажем. Он сам ещё только начинал осваивать искусство телекинеза и должен был признать, что такой трюк ему пока что не по зубам. А с другой стороны, магией Воздуха итальянец владел в разы увереннее, уж там-то он должен был крошить и стирать в порошок, что и намеревался продемонстрировать с отчетливым недоверием наблюдающей за процессом Карине.

- Понял. Принимаю эстафету, - кивнул Стефано и бегло коснулся пальцами горла, пробуждая Вишуддху, как всегда, яркую и ослепительно свежую, с которой юноша даже дышать как будто начинал заново. С магией Воздуха у Стефано вышло то, что не получилось у Аделины с телекинезом - юноша скручивал энергию в тугие, пульсирующие ветром комки, и позволял ей с размаху врезаться в стену дома, кусками разбрасывая отлетающие в стороны обломки обгоревших досок. Это было гораздо менее аккуратно, чем делала Аделина, но в то же время и гораздо эффективнее и быстрее. Один плюс, один минус, а дальше уже вопрос вкуса.

Карина Ди Вероли

Ожидая от своих напарников чудес, Карина небрежно прислонилась бедром к забору - и неожиданно дождалась. Обуглившиеся доски одна за другой захрустели, ломаясь и разлетаясь в стороны словно сами собой, и итальянка разинула рот от изумления, мгновенно забывая про свое недоверчивое, почти насмешливое ожидание. Быть не могло, но было, происходило прямо на её глазах, казалось, руку протяни, и получится коснуться. А причиной этому, несомненно, были Аделина и Стефано - они смотрели на происходящее так, словно это в порядке вещей, словно

все идёт как должно, и глаза у обоих были шальные и смеющиеся, и Карина ошеломленно старалась как можно скорее свыкнуться с мыслью, что перед ней маги, которые, возможно, не только доски взглядом ломают, но и кирпичи из кладки вышибают.

Невероятно, но попытка отнестись к магии как к чему-то вполне объяснимому, удалась итальянке довольно быстро. Так быстро, что это даже было как-то неестественно.

Фех. Показушники.

Эта едкая мысль задушила трепещущее внутри изумленное благословение довольно быстро. Карина коротко, одобрительно фыркнула - ну, с другой стороны, у ребят получалось, и это уже было немало, - и принялась подбирать отлетающие в её сторону обломки и носить прочь. Как видно, рассудив, что любоваться на груды горелых досок никому нет резона, деревенские жители подготовили запряжённую лошадью телегу, чтобы все обломки можно было сразу вывести. Оставалось только сложить эти обломки в телегу, чем Карина понемногу и занималась, пока её бравые напарники крушили остатки стен.

Аделина Рутцен

За тем, как работает Стефано, Аделина следит с легкой завистью – легкой, но от этого не менее грызущей. У юноши получается доламывать обгоревшие стены явно ловчее, и дело тут однозначно не в том, что воздух сильнее телекинеза и больше для таких целей подходит, в верности такого тезиса Рутцен откровенно сомневается. Ей кажется, дело скорее в том, что Стефано попросту сильнее в своей магии Воздуха, чем она, Аделина, в телекинезе, лучше ее освоил, лучше с ней управляется, больше умеет и теперь, вполне закономерно, выдает лучшие результаты.

– *Хоккейный-счет*, – туманно говорит Рутцен, имея в виду, что если бы они начали заниматься подсчётами, кто и чего больше наломал, то Стефано уже сейчас громил бы ее со страшным совершенно, разгромным счетом. Аделина бегло оглядывается через плечо на Карину, удостоверяется, что та и в обморок не упала, и не скучает, а тоже нашла себе дело, а потом снова возвращается к своей задаче, облюбовывает доску, которая согласна подаваться под давлением телекинеза и снова начинает толкать и гнуть синей энергией Аджны, пока доска не отлетает прочь хрустящим обломком. Этот обломок можно бы ловко подхватить в воздухе, но у Адерины нет на это ни желания, ни лишних сил. Аделина просто позволяет доске с шумом грянуться о землю и уже выискивает следующую, с которой она тоже сумеет справиться.

Стефано Грассини

Для человека, который в пробивную силу магии не верит и настроен очень критически, Карина с творящимся перед ней безобразием смирилась очень быстро. Стефано пару раз любопытства ради оглянулся через плечо - и увидел, как Карина носит в телегу обломки досок, с лицом настолько равнодушным, словно перед ней вообще ничего не происходит. Голая пустошь, а на ней никакого движения. Такому непроницаемому лицу впору было позавидовать, это лицо совсем иного сорта, чем то безобразие, что у самого Стефано вместо физиономии, всем ветрам открытое, на котором что угодно влегкую читать можно, как на заборе.

- А? - увлекшись разглядыванием Карины, юноша едва не пропустил, что Аделина к нему обратилась, а услышав, все равно не слишком понял. Хоккей был для Стефано спортом крайне далёким и непонятным, так что юноша едва ли сообразил, что

Аделина имела в виду. Но все же он надеялся, что не слишком промахнулся с ответом, когда уверенно посулил: - Сейчас ещё добавим.

Воздух в руках был удивительно послушен, покорно скручивался и изгибался - но неожиданно заупрямился, когда Стефано попытался вместо маленьких хлестких завихрений сделать одно более крупное, чтобы ломать быстрее и ловчее. Не без труда юноша скрутил упирающуюся стихию, собрал в единый клокочущий клубок - и получил уже что-то близкое к маленькому торнадо. Которое свистело и завывало злым ветром, которое рвалось из рук и яростно билось в обгоревшие стены дома, разнося их в клочья. И Стефано, впервые в жизни заподозрил, что он может вот-вот не справиться с родной стихией, поспешил всей чакрой навалиться на озлобленный вихрь и погасить его.

Ветер утих, но взамен вихрь как будто остался биться и клокотать в груди, заставляя дышать тяжело, и Вишуддха саднила в горле неприятным вялым теплом. Стефано прижал ладонь к горлу, пытаясь отдышаться, и не сразу сумел чётко кивнуть Аделине: - Что осталось, все твоё. Добивай его, пожалуйста.

Карина Ди Вероли

Как ни старалась Карина быстрее и ловчее свыкнуться с магией - а свыкаться обязательно было нужно, потому что вот же она, прямо здесь, настоящая и реальная донеприличия, и если продолжать её отрицать при всём том, что под носом творится, так же можно очень быстро черепицей съехать, - её напарники всё время ей в этом мешали, как будто стремясь пробить новые границы удивления и окончательно вынести неверующую девушку ногами вперёд под конец рабочей смены. Особенно, конечно, в этом усердствовал Стефано. Пока Аделина тихо-мирно гнула и ломала взглядом доски, парень умудрился призвать какой-то совсем уж шквальный ветер, такой, что Карина присела, прикрывая руками голову и неиллюзорно опасаясь, что сейчас этот ветер перекинется на неё и повыдергает ей волосы к черту. И этим ветром Стефано просто раздолбил обгоревшие стены к черту, оставив от них только жалкие какие-то пеньки. Стоило ветру утихнуть, и Карина тут же деловито выпрямилась, понимая, что уж сейчас-то она может поучаствовать в разбирании дома посущественнее. Оставшиеся торчать вертикально вверх обломанные доски уже никак не походили на неприступные стены; Карина взялась банально доламывать эти доски ногами. И помахала напарникам: мол, хватит магией выпендриваться, идите помогать, а то с черта ли это я одна корячусь.

Аделина Рутцен

В мощную, разрушительную стихийную магию Аделина не умеет, и ей дико, что кто-то в такую мощь может уметь. Поэтому, когда Стефано, напрягая до предела, до дрожи, до надрыва горловую чакру, сгущает над домом настоящую бурю, Аделина с испуганным писком приседает, закрывая руками голову и уши. Ей все кажется, сейчас их всех этой бурей сорвет, унесет, как девочку Элли, за тридевять земель и бросит где-нибудь, в какой-нибудь голубой-лиловой стране.

Ан нет, не срывает никого, кроме дома, зато тому уж достаётся по полной программе.

— *Я-постараюсь.* — кивает Аделина, слегка смущенная тем, что Стефано доверяет ей такое ответственное дело: почитай, добить дом. Правда, немедленно выясняется, что все обстоит вовсе не так уж и торжественно. Что в дело уже вполне может вмешаться Карина, и она немедленно вмешивается, по-простому кроша доски

прицельными пинками. Какое-то время Рутцен смотрит на все это с сомнением, а потом решает, что, действительно, телекинезом можно уже не красоваться, и подходит к Карине, помогая ей сперва доламывать остатки досок, а потом и уносить обломки. Стефано, хоть он, бесспорно, и является среди них троих самой уверенной и крепкой физической силой, немка предпочитает не дергать. Ей известно, сколько сил может выпить магия; а уж как должна опустошать настолько мощная магия, Аделина только догадывается. Поэтому она вовсе не настаивает на том, чтобы Стефано тоже метался, как они с Кариной, взад-вперед и непременно доски охапками носил.

Стефано Грассини

Запоздало Стефано сообразил, что, пожалуй, следовало бы все же предупредить напарниц о том, какие магические фокусы он задумал опробовать на развалинах обгоревшего дома. Девушки отреагировали обе одинаково и испуганно, обе пригнулись, закрываясь руками, - так, словно ждали, что им вот-вот головы посрывает с плеч.

Это, конечно, было преувеличение и излишество, но вот разлетевшимися обломками и впрямь могло наподдать кому-нибудь по макушке, и об этом Стефано тоже подумал непростительно поздно, уже после того, как натворил опасных дел. Нехорошая привычка нарисовывается, надо бы от нее как-нибудь избавляться, и желательно поскорее.

- Все целы? Замечательно. Но прошу прощения за то, что кто-нибудь потенциально мог оказаться пострадавшим, - извинился Стефано, считая, что это нужно сделать в любом случае, ве зависимости от того, поняли девушки или не поняли, как им могло неприятно достаться. Даже наоборот, если не поняли - тем более нужно обозначить и дать напарницам понять, что рядом с ними маячит опасно легкомысленный дурак и к его идеям лучше относиться с подозрением. Чисто во избежание.

Карина доламывала остатки обгорелых стен так залихватски, а еще так властно жестом подзывала лакеев на помощь, что Стефано не удержался и, хотя впрямую его допахивать никто не звал, тоже подключился к работе. В три пары рук молодые люди довольно быстро закончили расчищать двор и уже вполне могли с чистой совестью отчаливать и покидать деревню. Что могли, то сделали, причем сделали на очень приемлемом уровне.

Карина Ди Вероли

Из напарников сачковать не стал никто, что Карину несказанно обрадовало. Втроем действительно было управляться куда быстрее, чем в гордом одиночестве, а кроме того, что не менее ценно, никому необходимость тройственного труда объяснять, теряя время и энергию, не пришлось. Все, как зайчики, самостоятельно все осознали и присоединились. Казалось бы, только что и Аделина, и Стефано изводили себя магией - Карина понятия не имела, насколько магия тяжела, но с легкостью допускала, что некоторое количество сил на нее вполне могло, а то и должно было уходить - и вот уже бодро помогали разбирать остатки завала.

У завала в таких условиях не было никаких шансов. Строенными усилиями молодые люди разогнали его довольно быстро. И, оставив после себя хорошо, качественно расчищенную поляну под потенциальный новый дом, покинули деревню с чувством выполненного долга. Жаль только, Карина из-за невозможности говорить была практически лишена шансов кому-нибудь в красках расписать, как она с камрадами трудилась на благо поселения и его жителей. Но надеялась, что хоть Стефано и

Аделина своего не упустят и красочно обрисуют всем желающим, как они на троих к успеху пришли. Иначе такой рассказ впустую пропадет, обидно даже.
